

К. К. Логинов

Традиционный жизненный цикл русских Водлозерья:

ОБРЯДЫ, ОБЫЧАИ И КОНФЛИКТЫ

Университет Дмитрия Пожарского

Константин Логинов

**Традиционный жизненный
цикл русских Водлозерья:
обряды, обычаи и конфликты**

«Русский фонд содействия образованию и науке»

2010

Логинов К. К.

Традиционный жизненный цикл русских Водлозерья: обряды, обычаи и конфликты / К. К. Логинов — «Русский фонд содействия образованию и науке», 2010

ISBN 978-5-91244-044-1

Монография является первым в истории отечественной науки трудом, написанным на стыке двух наук – этнографии и конфликтологии, посвященным исследованию традиционных обрядов, обычаев и конфликтов полного жизненного цикла на примере русских, проживающих в Карелии, на берегу озера Водлозеро в Пудожском крае. В работе исследуются обычаи, обряды и конфликтные ситуации, сопровождавшие жизнь человека на каждом ее этапе от предпосылок рождения физически здорового и социально полноценного ребенка до физической смерти человека и организации ритуально «правильного» перехода в мир иной для загробного существования. Значительное место в работе занимает описание старинных заговоров и магических ритуалов и их трансформации с XIX века по настоящее время. Работа представляет интерес для этнографов, культурологов, фольклористов, конфликтологов и психологов, а также всех людей, неравнодушных к народной культуре.

ISBN 978-5-91244-044-1

© Логинов К. К., 2010
© Русский фонд содействия
образованию и науке, 2010

Содержание

Введение	6
Глава 1. Семья в Водлозерье	19
1. Брачность, типы семей, терминология родства, численность и детность семьи	19
2. Иерархические отношения традиционной семьи как основа решения внутрисемейных конфликтов	23
3. Возрастные периоды и социально-возрастные категории полного жизненного цикла	29
Глава 2. Рождение, младенчество и конфликты периода младенчества	32
1. Обрядово-магические предпосылки рождения полноценного ребенка	33
2. Обрядовые действия над новорожденным на месте родов	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Константин Логинов
Традиционный жизненный цикл русских
Водлозерья: обряды, обычаи и конфликты

Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований секции истории Отделения историко-филологических наук РАН «Исторический опыт социальных трансформаций и конфликтов»

Печатается по решению Ученого совета Университета Дмитрия Пожарского

© Логинов К. К., текст, 2010

© Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, 2010

© Григоренко М. В., 2010

© Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010

Введение

На монографическом уровне обряды, обычаи и конфликты традиционного жизненного цикла Водлозерья описываются и исследуются впервые. Настоящая работа представляет собой последовательное описание обрядов и обычаев, связанных с зачатием и рождением ребенка, его социализацией в младенчестве, детстве, подростковом и юношеском возрасте, с обычаями и ритуалами в периоды бракосочетания, молодоженства, зрелого возраста, старости, дряхлости и перехода в мир иной. Таким образом, с этнографической точки зрения работа является исследованием, посвященным **реконструкции полного традиционного жизненного цикла** одной из локальных групп северных русских – водлозеров. Предметом конфликтной части исследования являются конфликты и конфликтные ситуации традиционного жизненного цикла. Попутно подмечались конфликты повседневной, межличностной, внутрисемейной, межсоседской и внутриобщинной коммуникации. Речь в работе идет также о статусно-ролевых конфликтах и конфликтах ценностей. Работа содержит сведения, не только относящиеся к области реальных конфликтов, возникающих от взаимодействия людей, но и о ритуалах магической практики, направленных на избегание или регулирование «конфликтных» ситуаций, складывающихся из-за предполагаемого в традиционной культуре взаимодействия людей с духами низшей мифологии (домовыми, банными, водяными, лешими и т. п.).

Значительное место в работе занимает описание магических ритуалов и разнообразных заговоров, направленных как на «полное осуществление программы мифоритуального сценария (рождение – инициация – брак – смерть)», так и на контроль развития различных конфликтных ситуаций личной, семейной и общественной жизни.

Большой контингент данных, связанных с подробным изложением обрядовых действий и сопровождающих их заговоров и приговоров, в исследование введен сознательно. В контексте монографического исследования обрядности жизненного цикла водлозеров они будут более доступными для этнографов, фольклористов и культурологов, чем если бы это было сделано в отдельных статьях, рассеянных, как правило, в научных сборниках с небольшим тиражом, а потому труднодоступных.

Сведения об обычаях и обрядах русских, связанных с родильно-крестильной, свадебной и похоронно-поминальной обрядностью (называемых часто «семейными обрядами», «обрядами жизненного цикла» или «переходными обрядами»), собирались и изучались в России с формированием этнографии как науки. Реже работы этнографов посвящались молодежной обрядности либо обрядности, связанной с проходами в армию. Однако задачу изучения обрядов и обычаев полного жизненного цикла редко кто перед собой ставил. Возможно, первым наиболее близко к этим проблемам подступил Д. К. Зеленин в своей классической работе «Russische (Ostslavische) Völkerkunde» (Zelenin, 1927), изданной на русском языке только в 1991 г. Помимо разделов, связанных с семейной обрядностью, его труд содержит необходимую информацию также и об «общественной жизни» всех восточных славян (Зеленин, 1991, с. 361–388). Семейная обрядность изложена в монографии «Этнография восточных славян», которая является во многом итоговой для советской историографии (Этнография, 1987). Раздел «Общественная жизнь» в ней, к сожалению, отсутствует. Данный недостаток в известной мере преодолен в фундаментальном труде российских этнографов «Русские», изданной в серии «Народы России» (Русские, 1997), в томах коллективной монографии «Русские: народная культура (история и современность)» (Русские, 2000а; Русские, 2000б) и др. Весьма ценные для нашей работы выводы содержит коллективная монография «Русские: семейный и общественный быт» (Русские, 1989). Особо следует отметить монографию Т. А. Бернштам «Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в.: Половозрастной аспект традиционной культуры» (Бернштам, 1988). Первая глава этой монографии, «Половозрастная

стратификация русской общины и периодизация жизненного цикла», имеет для нашей работы неопределимое значение. Важнейшие наблюдения и выводы для нас содержит также монография М. М. Громыко «Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян» (Громыко, 1986). Тем не менее во всех указанных выше работах целостное описание полного жизненного цикла не представлено.

Родильно-крестильную, свадебную, рекрутскую и похоронно-поминальную обрядность в этнографии принято относить к так называемым обрядам перехода, или переходным обрядам, в соответствии с «теорией перехода», разработанной Арнольдом ван Геннепом в начале XX в. Отечественным этнографам эта теория больше известна по книге Виктора Тернера «Символ и ритуал» (Тернер, 1983), поскольку на русском языке она вышла раньше труда ван Геннепа (Геннеп, 2000). Применительно к восточнославянскому материалу идеи ван Геннепа основательно проработал А. К. Байбурин, который пришел к выводу, что ритуал функционирует «как наиболее действенный (по сути – единственно возможный) способ переживания человеком критических жизненных ситуаций» (Байбурин, 1993, с. 3). Согласно «теории перехода», любое реализованное переходное состояние характеризуют три стадии или фазы: 1) «Отделения» (в ней происходит открепление от прежних «состояний» или «обстоятельств»); 2) «Грань» (собственно «переход» в новое состояние); 3) «Восстановление» (в ней происходит «восстановление» уже «в новом качестве»). В этом контексте теория ван Геннепа является удобным инструментом анализа представлений людей о ритуальных переходных состояниях человеческой жизни.

Так же давно, как и семейные и общественные обряды русских, в отечественной этнографии фиксируются и рассматриваются характерные для семейной и общественной жизни русских крестьян конфликты и конфликтные ситуации. Конфликтность в русской крестьянской среде изучалась нашими предшественниками также весьма пристально. Краткие и достаточно развернутые замечания на этот счет можно найти во всех выше указанных работах.

Профессионально различные типы конфликтов исследует наука конфликтология – одна из самых молодых общественных наук. Ее постулаты и выводы оказали серьезное влияние на ряд исторических дисциплин, в том числе на этнографию. Раздел «Природа этнических конфликтов и способы их разрешения» вошел в программу обучения новых поколений этнографов, он присутствует в современных учебниках этнологии (Садохин, Грушевицкая, 2000, 2001; Этнология, 2005 и др.). В рамках этнологии и культурологии в последние десятилетия активно изучается феномен кулачного и палочного боя, а также праздничной и бытовой драки у русских (Базлов, 2002; Горбунов, 1977, 1996; Морозов, Слепцова, 2004; Щепанская, 1998 и др.). В Карелии по материалам «Олонецких епархиальных ведомостей» историком М. В. Пулькиным написана обобщающая статья о крестьянских драках в бывшей Олонецкой губернии (Пулькин, 2008). Ссору, именуемую иногда «бытовым антагонизмом», в качестве специфического проявления конфликтности у русских крестьян вполне успешно изучает в наши дни исследовательница из Петербурга А. Н. Кушкова (Кушкова, 2001, 2004). В 2003 г. на тему ссоры в русской крестьянской среде ею была защищена кандидатская диссертация (Кушкова, 2003, 2003а). Кушкова впервые предложила модель описания повседневной деревенской ссоры в «жизненном цикле крестьянской семьи» и сельской общины, определила периоды повышенной конфликтности в жизненном цикле, осветила наиболее распространенные варианты супружеских и соседских ссор и практик примирения, т. е. выхода из конфликта. Тем не менее и исследования Кушковой – лишь очередной шаг, решительный и продуктивный, в изучении конфликтности русских крестьян.

Проблем несовместимости методологий этнографической и конфликтологической наук, на взгляд автора, не существует. Этнографическая часть исследования для конфликтологов представляет ту среду, в которой, как правило, циклично возникали ситуации, время от времени перераставшие в конфликты разной степени остроты и направленности. Конфликтоло-

гическая же часть раскрывает этнографам конкретное содержание традиционных конфликтов крестьянской среды, разворачивающихся в течение жизни человека от обрядов, предшествующих зачатию ребенка, вплоть до физической смерти человека и ритуалов его поминовения. С точки зрения военных конфликтологов географический район, именуемый Водлозерьем, можно было бы охарактеризовать как территорию конфликтов. Именно конфликтов, поскольку конкретные конфликтные ситуации разворачивались в доме, беседной избе, на деревенской улице, на кладбище, на промысловых территориях и т. д. Хотя в работе исследуется локальная территория Русского Севера, наши наблюдения и выводы имеют, наверное, в какой-то степени отношение и ко всему русскому крестьянству. Так или иначе, а традиционная крестьянская среда в XIX – первой трети XX в. охватывала большую часть России, и водлозерская действительность по многим параметрам совпадала с российской действительностью в целом.

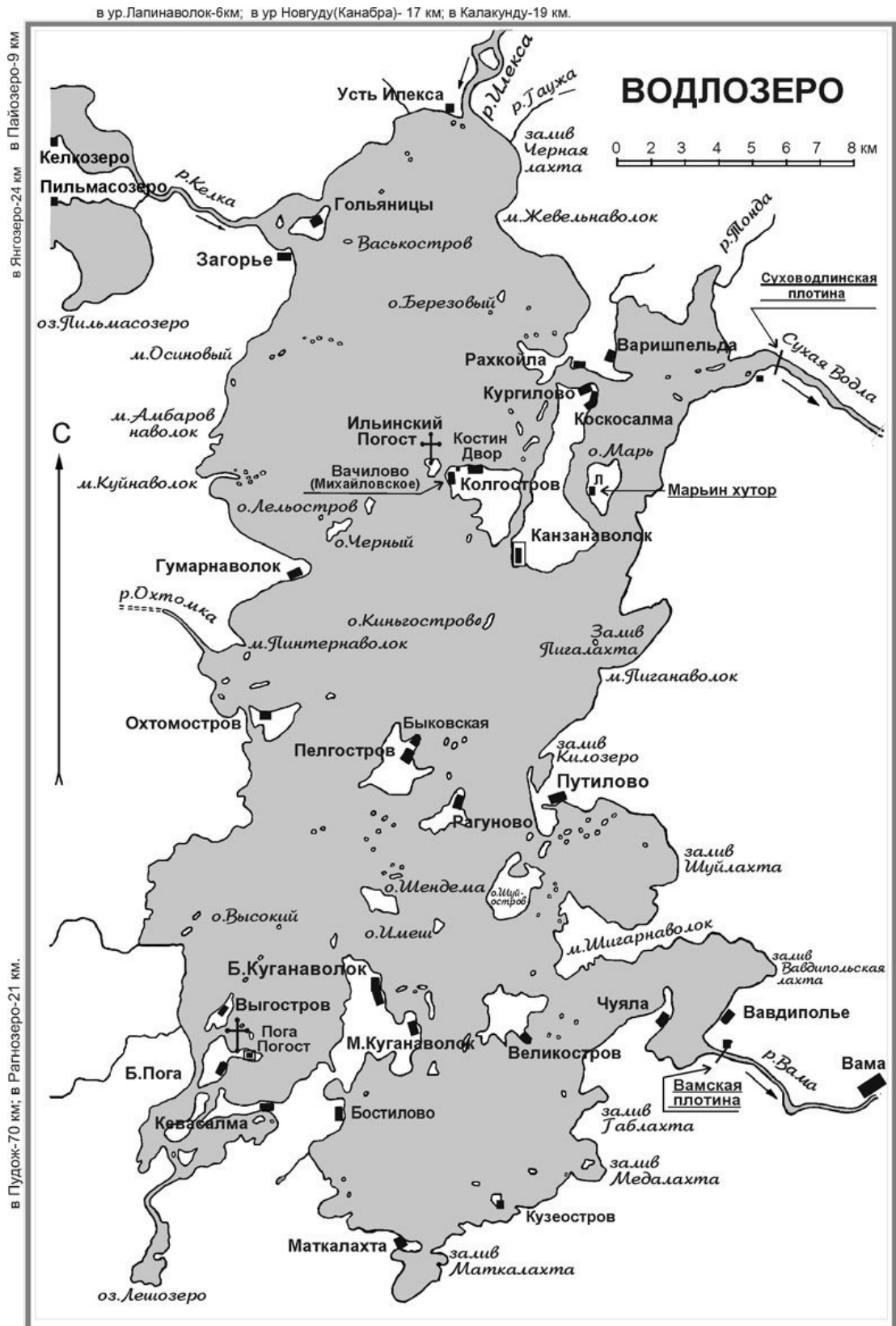

Границы расселения русских Водлозерья

Географически Водлозерье охватывает территорию вокруг озера Водлозеро в северо-восточной части бывшего Пудожского уезда Олонецкой губернии (ныне – Пудожского района Республики Карелия), населенную русскими, именующими себя «*водлозерами*». В иерархии субэтнических сообществ водлозеры представляли собой так называемую этнолокальную группу (Логинов, 2007в), т. е. группу минимальной таксономической величины, сохраняющую все признаки субэтничности. Одним из признаков субэтничности водлозеров является четко очерченная территория, осознаваемая ими в качестве «своей» групповой территории расселения и исключительной («водлозерской») хозяйственной деятельности.

На территории Водлозерья во времена НЭПа вместе с хуторами насчитывалось 47 поселений. В наши дни количество поселений в Водлозерье сократилось до пяти. Два из них числятся «снятыми с учета». Более 97 % жителей сосредоточены в деревне Куганаволок. В нашем исследовании будут привлекаться преимущественно те материалы, которые имеют отношение именно к этой территории. С иноплеменниками водлозеры не соседствовали. По подсчетам автора, численность населения Водлозерья на 1885 г. составляла 1862 человек, на 1905 г. – 2810, на 1926 г. – 2875. Далее был демографический спад. В настоящее время в Водлозерье постоянно проживают 560–570 человек, из которых до 10 % не являются собственно водлозерами (Логинов, 2006 г., с. 49). До Крестьянской реформы 1861 г. водлозеры относились к разряду государственных черносошных крестьян, не испытывавших на себе тягот крепостного права. Это обстоятельство тоже самым непосредственным образом сказалось, а возможно, все еще сказывается на специфике их народной традиции.

К водлозерам, буквально прозябавшим в конце XIX – начале XX в. в глуши и бедности, зажиточные жители Поморья применяли обидное прозвище «*рибушники*» (ФА ИЯЛИ, № 3292/49). Так в Олонецкой губернии называли людей, одевающихся в старье, изношенные одежды. Пудожане именовали водлозеров прозвищем «*озёра*», которое обращалось в обидную кличку (сохранившуюся донныне) присловьем: «Озера – глупы водлозера». У человека, который не знает самых элементарных новостей, пудожане и сейчас еще спрашивают: «Ты что – водлозер?» Сами себя водлозеры называли «*озерны(е) люди*» (НАКНЦ, ф. 1, оп. 1, колл. 133/101). Благодаря тому, что в Гражданской войне часть водлозеров выступала на стороне Белого движения, за ними в советское время закрепилось обидное прозвище – «*белогвардейцы*». Обижались на него, правда, лишь те, кто воевал на стороне красных и их родственники. Не позднее, чем в 1980-е гг., данное прозвище водлозеры перестали считать обидным и начали сами себя называть «белогвардейцами». Фразу «Да, мы – белогвардейцы!», произносимую водлозерами с гордостью, еще в середине 1990-х гг. не раз доводилось слышать автору (НАКНЦ, ф. 1, оп. 6, д. 404, л. 8–9). Так или иначе, но обидные прозвища со стороны соседей не вызывали у водлозеров чувства неполноценности. Скорее наоборот, наличие таких прозвищ служило дополнительным основанием подчеркивания субэтничности, несходства с соседними группами русских.

Поселения Водлозерья

Хронологические рамки этнографического исследования традиционного крестьянского общества в России охватывают обычно период XIX – начала XX в. Таков исторический возраст большинства массовых этнографических источников. «Традиционный период» в России продолжался, пока сохранялась крестьянская культура, не разрушенная социально-экономи-

ческими перестройками, связанными с окончательным упразднением крестьянской общины (1929 г.) и объединением единоличных крестьянских хозяйств в колхозы. В Водлозерье, отрезанном от основной массы расселения русских бездорожьем, многие традиционные обычаи и обряды сохранялись значительно дольше. Благодаря этому обстоятельству и широкой собирательской работе в распоряжении автора оказался круг источников, который позволяет проследить эволюцию многих феноменов крестьянской цивилизации Водлозерья вплоть до современности. Работа в целом носит ретроспективный характер. Современный этнографический материал приводится, как правило, в качестве иллюстрации того, что осталось от традиционного обряда или обычая в наши дни, сведений о том, насколько традиция изменилась. Экскурсы в современность не отвлекают от основной задачи – описания этнографической традиции Водлозерья. Таким образом, хронологические рамки данного исследования охватывают период середины XIX – первой трети XX в., но эволюция многих обрядов, обычаев и конфликтов традиционного жизненного цикла прослеживается вплоть до наших дней. В работе многократно употребляется не вполне научный термин – «в старину», т. е. раньше 1920-х гг., времени, когда над крестьянами довели сугубо традиционные представления. Изредка автором используется еще менее определенное в историческом плане выражение – «в глубокую старину», под которым подразумеваются XIX в. и еще более ранние времена. К такому исторически неточному приему определения возраста бытования того или иного обряда, обычая или суеверного народного представления вынуждает специфика собранных автором этнографических сведений¹. Часто указание на исторический возраст события или бытования обряда либо обычая в устах информантов звучит так: «при дедах наших...» или «рассказывали старики, что когда еще и дедов наших не было...». Так что действительное историческое время бытования традиции автор нередко способен указать только в случаях, когда имеется возможность опереться на даты в публикациях или архивных источниках.

Печатных источников по исследуемой автором тематике немного. Из публикаций в «Олонецких губернских ведомостях» для работы пригодны для использования всего лишь две небольших статьи (От Пудожа, 1869; Ягодкин, 1899). Сведения (о размерах крестьянской семьи в Водлозерье, об обычае мужей «учить жен дубиною» и т. п.) имеются в работе И. С. Полякова «Три путешествия в Олонецкую губернию» (Поляков, 1991). Статья этнографа Н. Н. Харузина «Из материалов, собранных среди крестьян Пудожского уезда, Олонецкой губернии» (Харузин, 1894) содержит более обширные материалы о многих сторонах общественной и семейной жизни водлозеров, о мифологии, имеющей отношение к семейной жизни, и т. п. Важные сведения встречаются в книге «На Севере» В. Н. Харузиной (Харузина, 1890) и в ее статье о родильных и крестильных обрядах Пудожского уезда (Харузина, 1906). Период младенчества освещен с большой степенью подробности в статье «Поэзия пестования Водлозерского края» современной исследовательницы И. И. Набоковой (Набокова, 2009). Хороший сравнительный материал для описания периода детства и подросткового возраста у водлозеров можно почерпнуть из публикации «Игры, игрушки и забавы детей в Пудожском уезде Олонецкой губернии» (Игры, 1886). Статья В. П. Кузнецовой о традиционной свадьбе Водлозерья (Кузнецова, 2001) целиком ложится в русло нашего исследования. Ею описана историография изучения водлозерской свадебной обрядности, использованы практически все печатные, а также многие архивные источники по свадьбе Водлозерья. Ключевые моменты свадьбы Вод-

¹ Как минимум три поколения многочисленных своих соседей, близких и дальних родственников водлозеры способны назвать по именам и отчествам. О событиях же, связанных с Российской историей, в лучшем случае можно услышать такие уточнения, как «еще при царе», «в Германскую войну» (Первую мировую войну), «до колхозов», «до войны», «после войны», «в Отечественную войну» (имеется в виду Вторая мировая война), «при Сталине», «после Сталина». В какие примерно годы в СССР у власти пребывали Хрущев, Брежнев или Горбачев («Меченый»), большинство пожилых информантов не помнят и даже фамилии их, если и припоминают, то с большим трудом. Но в анекдотах молодых водлозеров присутствуют исторические деятели как далекого прошлого, так и советского времени.

лозерья ею изложены исключительно подробно. Важны для нас также некоторые сведения и комментарии Кузнецовой, помещенные в сборнике «Предания и былички Водлозерья» (Кузнецова, 1997). Кроме того, следует указать работы «Русские плачи Карелии» (Русские плачи, 1940) и «Русская народно-бытовая лирика» (Русская народно-бытовая лирика, 1962), в которых содержатся публикации более чем 30 похоронных причитаний, собранных в Водлозерье сразу после финской и Великой Отечественной войн, когда фольклорный жанр причитаний переживал свое второе рождение. В этих работах рассеяны и некоторые конкретные этнографические факты, имеющие отношение к изучаемой теме. Из публикаций, содержащих заговоры, следует указать работу Т. С. Курец «Русские заговоры Карелии» (Курец, 2000) и «Русские заговоры и заклинания» (Русские заговоры, 1998). В работе Т. С. Курец таких заговоров пять, во второй работе – всего один. Община Водлозерья неплохо описана в статье А. В. Окунева (Окунев, 1995). Материалы, касающиеся топографии и современного вида нескольких кладбищ, расположенных в южной части Водлозерья, опубликованы в статье А. П. Конкка (Конкка, 2006). Особо отметим сборник «Ильинский Водлозерский погост», в котором имеются две статьи, впервые представляющие достаточно обширные материалы о старообрядческом прошлом Водлозерья (Старицин, 2009; Ружинская, 2009). В данном сборнике опубликована также и статья источниковедческого характера (Ружинская, Хорина, 2009), освещающая на основе архивных данных из метрических книг многие вопросы, касающиеся демографических процессов (рождаемости, брачности и смертности) бывшего Водлозерско-Ильинского прихода в XIX – начале XX в.

Автором данной работы тоже были опубликованы несколько статей и материалов по исследуемой теме. В их числе – материалы, касающиеся водлозерских способов заговаривания детей от бессонницы и сглаза (Логинов, 1997а, 1997б). Водлозерским традициям посвящена статья о периодах младенчества, детства и подросткового возраста (Логинов, 2007б), статьи о святочных гаданиях (Логинов, 2006в), о престольных и часовенных праздниках Водлозерья (Логинов 2005, 2006 г), о «рекрутской» обрядности водлозеров (Логинов, 2007а), об обрядности семейных кризисов (Логинов, 2006а) и т. д.

Архивные источники по исследуемой тематике обширны, разнообразны и многогранны. Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК) содержит большой массив материалов, касающихся функционирования крестьянской общины в Водлозерье (НА РК, ф. 215–216, 236, 302, 318). В фондах Олонецкой духовной консистории (НА РК, ф. 25) сохранился большой массив метрических книг за период с 1805 по 1916 г., на основе которых была написана вышеупомянутая статья И. Н. Ружинской и Г. В. Хориной для сборника «Ильинский Водлозерский погост». Однако основные необходимые для данного исследования материалы, полученные предшественниками и современными собирателями, хранятся в Научном архиве Карельского научного центра РАН (далее – НАКНЦ) и в архиве национального парка «Водлозерский» (далее – АНПВ). Самые ранние записи по интересующей нас тематике были сделаны в 1939 г. Научные сотрудники Карельского научно-исследовательского института культуры К. В. Чистов и Б. Е. Марголис (Чистова) записали четыре заговора на присушку и отсушку, на заговаривание золотухи и грыжи, несколько детских считалок (НАКНЦ, ф. 1, оп. 1, колл. 8, № 261–263, 282 и др.). Указанные заговоры опубликованы Т. С. Курец в ее сборнике русских заговоров Карелии (Русские заговоры, 2000, № 46, 79, 146, 406). Материалы фольклорных экспедиций 1973–1974 гг. (Разумовой А. П., Коски Т. А., Русаковой Е. И., Кузнецовой В. П., Нигметовой В., Устинской О.) содержат довольно обширные, хотя и разрозненные сведения об общинной жизни и семейных традициях водлозеров (НАКНЦ, ф. 1, оп. 1, колл. 73, 133). Значительно меньше их в материалах фольклорной экспедиции 1977 г. Т. И. Сенькиной и Т. С. Курец (НАКНЦ, ф. 1, оп. 1, колл. 184). В 1989 г. ценные материалы по свадебной и родильной обрядности водлозеров собрала аспирантка Ленинградской части Института антропологии и этнографии АН СССР В. В. Новикова (НАКНЦ, ф. 1, оп. 50, д. 1132, 113 4 -1135). Разно-

образный материал по исследуемой тематике был записан комплексной экспедицией 1993 г. в составе В. П. Кузнецовой, Т. В. Краснопольской и А. В. Окунева (НАКНЦ, ф. 1, оп. 6, д. 338). С 1995 г. и по настоящее время в национальном парке «Водлозерский» записи по народной жизни водлозеров, в том числе и по семейной обрядности, ведет сотрудник сектора культурного наследия парка Н. В. Червякова. Интересующие нас материалы содержатся в двух полевых дневниках Червяковой 1995–1996 гг. (АНПВ, № 2/24) и 1997–1999 гг. (АНПВ, № 2/58), а также некоторых иных документах, требующих архивной регистрации. В 2001–2002 гг. на Водлозере записывала заговоры и обрядовый материал студентка Петрозаводского педагогического университета Е. А. Цветкова (АНПВ, № 1/80; 1/85). Кроме того, в Научном архиве Карельского научного центра имеются архивные сведения, касающиеся пудожской, в том числе водлозерской традиции, от разных авторов, объединенные под заголовком «Статьи о суеверии, колдовстве, знахарстве в Карелии» (НАКНЦ, ф. 1, оп. 32, д. 17). Сведения, представленные в указанном деле, касаются родильных обрядов, лечения детских болезней, персонифицированных имен нечистых духов, вызывающих те или иные болезни, и т. д. Одним из последних поступлений в Научный архив Карельского научного центра стала дипломная работа Г. В. Хориной. На основе документов из Национального архива Республики Карелии ею проанализированы актуальные для нашей работы вопросы жизни крестьянской общины и прослежена демографическая история Водлозерья XIX – начала XX в. (НАКНЦ, ф. 1, оп. 6, д. 730).

Тем не менее сведений, предоставленных нашими предшественниками и современными собирателями, для написания задуманной работы было недостаточно. Основной контингент полевых материалов по исследуемой теме собирался автором во время ежегодных, начиная с 1994 г., экспедиционных поездок на территорию национального парка «Водлозерский» (НАКНЦ, ф. 1, оп. 6, д. 404, 489–492, 529, 531, 610–611, 620–621, 628–629, 668, 675–678, 719–720; АНПВ, № 2/56, 59, 73, 75–78, 82 и др.). При сборе материалов использовались «Опросные листы» В. П. Кузнецовой по свадебной обрядности (АНПВ, № 1/84) и К. К. Логинова по родильным и похоронным обрядам (АНПВ, № 2/81). Материал по рекрутской обрядности собирался по «Опросному листу», разработанному в Европейском университете Санкт-Петербурга Ж. В. Корминой (АНПВ, № 1/86). В августе 2002-го и в июле 2003 г. экспедиция на Водлозеро была проведена автором совместно с японской фольклористкой Дзюнко Фудживара. Часть записей была сделана на цифровую аудиоаппаратуру японской исследовательницы. В настоящее время часть звуковых материалов расшифрована и передана в архив (НАКНЦ, ф. 1, оп. 6, д. 708). В наиболее сконцентрированном виде материалы по изучаемой тематике отражены в рукописном исследовании автора *«Общественный и семейный быт русских Водлозерья»* (НАКНЦ, ф. 1, оп. 6, д. 666; АНПВ, № 2/87).

Отсутствие специального раздела, посвященного закономерностям возникновения, развития и преодоления конфликтов, было основным замечанием к рукописи работы, высказанным автору при обсуждении монографии. В соответствии с рекомендациями ниже представлена некая компиляция из относительно бесспорных выводов и постулатов отечественной конфликтологической науки, имеющих непосредственное отношение к содержанию представленного труда.

Конфликтология – это наука о причинах, особенностях и закономерностях возникновения, развития и функционирования конфликтов, методах и способах их разрешения и предотвращения, преодоления их отрицательных последствий (Волков, Волкова, 2004, с. 7). В этом определении соединены две общеизвестные точки зрения, по которым существуют разногласия между отечественными конфликтологами. Одни считают, что главной задачей конфликтологии является «предотвращение конфликтов», другие говорят об их «урегулировании» или «преодолении», ссылаясь на то бесспорное обстоятельство, что бесконфликтное существование в человеческом обществе невозможно. При этом в понятие «разрешение/преодоление»

конфликта вкладывается значение «полного или частичного» устранения причин, породивших сам конфликт.

Определения понятия «**конфликт**» встречаются практически в каждом обобщающем труде отечественных конфликтологов и сильно отличаются одно от другого. В предельно обобщенном и упрощенном виде понятие конфликта звучит как «противодействие, вид общения с ненайденным выходом» (Анцулов, Шипилов, 2004, с. 57). Вторая важнейшая конфликтологическая категория, а именно – «**конфликтная ситуация**», в обыденном смысле может определяться как «ситуация, чреватая конфликтом», «развитие конфликта в конкретный временной период» (Волков, Волкова, 2004, с. 90–91).

Причинами возникновения конфликтов в человеческом обществе в конфликтологии принято считать несовместимые противоречия в позициях сторон. Противоречия могут быть вызваны как объективными причинами, которые существуют в мире помимо воли и желания участников конфликта, так и субъективными, т. е. проистекать от преднамеренных устремлений участников конфликта. В случае конфликта объективная ли, воображаемая ли проблема (предмет конфликта) подлежит решению, и для начала подыскивается удобный повод (Ворожейкин, Кибанов, 2004, с. 48, 93). Противоречия являются необходимым условием возникновения конфликтных ситуаций, но собственно конфликт возникает только тогда, когда «возникает противоборство конфликтующих сторон» (Голустова, 2007, с. 73). Среди неоспоримых постулатов конфликтологии очень важным для написания нашей работы является тот факт, что конфликт предусматривает вовлеченность в него как минимум двух сторон. При этом участие одной стороны в конфликте может быть «мнимым» или «ложным». «Ложным» в конфликтологии называют конфликт, возникающий по субъективным причинам из-за ошибочно приписываемых супротивной стороне негативных качеств. В традиционном обществе в качестве противодействующей стороны нередко воспринималась не конкретная личность или группа лиц, а, например, мифические существа из мира традиционных народных представлений. Поддержку своей точки зрения автор обнаружил и в работах конфликтологов. Так, в учебнике по конфликтологии Б. С. Волкова и Н. В. Волковой подчеркивается: «Если люди верят в существование сверхъестественных сил как в реально действующих, то это будет реально влиять на поведение людей» (Волков, Волкова, 2005, с. 15).

Научных классификаций конфликтов в конфликтологии существует великое множество (Горбунова, 2005, с. 47–51). Каждый автор обобщающего труда считает своим долгом дополнить уже имеющиеся классификации или создать свою собственную, исходя из потребностей его исследования. В нашей работе нельзя обойтись лишь без социально-групповой классификации на «межличностные» и «межгрупповые» конфликты, «конфликты между личностью и группой», а также «внутриличностные». В конфликтологии принято считать, что, по большому счету, все они, так или иначе, сводятся к межличностному началу, затрагивают интересы конкретных личностей, задействованных в конфликте. Каждый человек сам для себя определяет ситуацию в качестве конфликтной или же нет и лично (если отсутствует давление извне) определяет степень собственного участия (соучастия) в конфликте. Личность в конфликте или в конфликтной ситуации может выступать от собственного имени, от имени малой группы (например, семьи), от имени большой группы (например, от лиц группы зрелого возраста), от сословия (крестьянства) и так далее, по возрастающей.

Межличностный конфликт, как принято считать в конфликтологии, всегда включает в себя два аспекта: 1) содержательную сторону конфликта (предмет противоречий); 2) психологический аспект конфликта. Последний связан с личностными особенностями участников конфликта, их эмоциональными реакциями на причины конфликта и ход его развития. В реальной ситуации суть конфликта часто затмевается, люди продолжают конфликтовать из-за нежелания признать себя «побежденными». Заметим, что при межличностном общении конфликтная ситуация далеко не всегда перерастает в открытый конфликт. К усугублению конфликт-

ной ситуации неизменно стремятся лишь личности конфликтного типа, для них важен повод. Это извечные оппоненты всем и всему. Деструктивное поведение в конфликтной ситуации всегда связано с проявлением агрессии в личном поведении. Своя позиция при этом идеализируется («Я всегда прав»). Противной стороне пытаются приписать собственные негативные чувства и эмоции («От них никогда добра не жди»). Чтобы довести дело до открытого конфликта, противную сторону обычно запугивают («За мной сила»), оскорбляют («Ты – дурак, ты ничего не понимаешь»), дискредитируют («Кто бы говорил, только не ты»). Потерпев неудачу в конфликте, личность конфликтного типа обычно старается выместить свою злобу на тех, кто слабее, кто на свою беду ей «под руку подвернулся». Механизм психологической защиты конфликтной личности, потерпевшей неудачу в конфликте, весьма прост – о неудаче такой человек старается никогда не вспоминать. Личности «конформного» типа, наоборот, стремятся сгладить, насколько возможно, конфликтную ситуацию, не ввязываться самим в конфликт, примирить конфликтующие стороны. Большинство же людей сначала пытаются оценить ситуацию, решить, есть ли шансы на победу в конфликте или предпочтительнее будет уступить противной стороне, иначе «себе выйдет дороже». В последнем случае нередко используется прием, именуемый в конфликтологии «методом конверсии», когда делается попытка неприятную ситуацию обратить в шутку ради сохранения самолюбия. Конфликтологами описаны и некоторые иные способы психологической защиты личности, потерпевшей неудачу в конфликте (Голустова, 2007, с. 115 и след.).

Конфликт между личностью и группой часто протекает в скрытой от постороннего наблюдателя форме, обнаруживая себя неожиданными для непосвященных в суть конфликта вспышками конфликтности. Бывает, что такой тип конфликта превращается в скрытную постоянную травлю индивида в группе. Особенность межгруппового конфликта – в том, что суть реального конфликта часто затмевается негативным восприятием соперников по схеме «мы – хорошие, они – плохие», при котором достоинства членов своей группы незаслуженно завышаются, а противной – занижаются, что мешает объективно разрешить возникшее между группами противоречие. Противостоящая сторона в конфликтующей группе представляется изначальным «врагом», а ее цели – подлыми и коварными.

Во внутриличностном конфликте важную роль, с точки зрения конфликтологов, играют не реально конфликтные действия членов социума, окружающих личность, а чисто психологические факторы внутреннего ее мира (ценностные установки, неудовлетворенные социальные потребности личности и т. п.). Другими словами, внутриличностный конфликт – это «выраженное негативное переживание, вызванное затянувшейся борьбой структур внутреннего мира личности» (Анцулов, Шипилов, 2004, с. 89). Такой тип конфликта как раз и оказывается часто «ложным». Любимый человек, члены семьи или сельской общины не считают себя вовлеченными в конфликт, расценивают свои действия как справедливые, нередко направленные исключительно «во благо» страдающей личности.

Социально-психологическая классификация конфликтов вполне применима как к общественным конфликтам традиционного крестьянского общества (межсоседским и внутриобщинным²), так и к конфликтам семейной сферы. Под семейными конфликтами в конфликтологии понимается, в частности, «противоречивое поведение супругов и других членов семьи в сфере семейных отношений (личных и имущественных), столкновений супружеских и родственных амбиций с целью установления собственного авторитета в решении жизненно важных вопросов семьи» (Волков, Волкова, 2005, с. 73). Считается, что семье как группе «с особо тесными внутренними связями и высоким уровнем вовлеченности во внутригрупповые отношения» (Мироманова, 2004, с. 167) присуща склонность к подавлению индивидуального эгоизма и конфликтных устремлений отдельных ее членов.

² Конфликты типа «власть и общество» в работе специально не рассматриваются.

Один из самых существенных для нашей работы вопросов, а именно – общая динамика развития конфликтов, в отечественной конфликтологии является одним из наиболее всесторонне изученных. Почти все конфликтологи согласны, что любой состоявшийся конфликт включает в себя три стадии: «предконфликтную», «собственно конфликт» и «послеконфликтную». При этом утверждается, что стадия начала «собственно конфликта» совпадает с моментом перехода от потенциально возможных негативных действий к реальным действиям, а завершается она прекращением противоборства сторон. По поводу того, на какие отдельные этапы распадаются эти стадии и сколько всего существует таких этапов, имеются разногласия. Иногда указывается, что таких этапов пять (Анцулов, Шипилов, 2004, с. 58; Голустова, 2007, с. 20), иногда речь идет о четырех (Волкова, Волков, 2004, с. 23) или шести этапах (Горбунова, 2005, с. 95).

Автор данной работы не выделяет особых этапов. Суммируя позиции разных авторов по поводу последовательности развития конфликтов, он считает, что сначала возникает предконфликтная ситуация (объективно или субъективно зарождается противоречие, являющееся причиной конфликта). Существующее противоречие люди обычно не пытаются разрешать, пока не наступит стадия, связанная с осознанием сторонами (или хотя бы одной из сторон) ситуации в качестве конфликтной. С целью разрешения ее в свою пользу одна из сторон начинает оказывать психологическое давление на другую сторону, причем словесная перепалка еще не является началом собственно конфликта – это всего лишь устная форма деструктивного поведения, некая «апелляция к здравому смыслу». Ответная реакция, воспринятая как оскорбление, вполне может привести к началу деструктивной формы с применением насилия. В ситуациях, когда враждебное действие осознается, а ответные действия не начинаются, конфликт не развивается, хотя ситуация продолжает оставаться конфликтногенной. Ситуация начинает изменяться, когда супротивная сторона начинает противодействие. При этом конфликт вступает в стадию, именуемую в конфликтологии «инцидентом» (реже – «сигналом»). В любом случае – это некий повод для развязывания конфликтных действий. Инцидент бывает «информационным» (стороны открыто или через посторонних лиц заявляют о своих намерениях и претензиях) или же «деятельным». Конфликтная ситуация перерастает в конфликт, когда люди от предполагаемых деструктивных действий переходят к их практической реализации. «Деятельный инцидент» – это всегда начало конфликта, действие, направленное на изменение поведения противной стороны. Действия такого рода могут быть как открытыми (например, физическое воздействие, экономические санкции и т. д.), так и скрытными. В традиционном обществе может быть также предпринята попытка воздействия на существующую ситуацию тайным применением магического обряда или ритуала. Пиковая стадия конфликта, когда обычные нормы поведения теряют силу, а сторонами применяются крайне конфликтные средства, именуется термином «кризис». Это несомненный маркер того, что развитие конфликта достигло апогея. Нередко конфликт заканчивается на стадии инцидента – первичного столкновения. Особенно это характерно для конфликтов, в которых участвуют противоборствующие стороны с сильно разнящимся социальным или общественным статусом. Заканчивается конфликт вместе с прекращением враждебных действий сторон, вне зависимости от достигнутых в этой борьбе результатов. Это и есть стадия «преодоления» конфликта, иногда именуемая терминами «результат» или «исход». На этом исследование конфликта в конфликтологии не завершается. Обязательно описывается послеконфликтная ситуация, которая обычно включает хотя бы частичную нормализацию взаимоотношений.

Изложенное выше подчеркивает общее положение конфликтологии: предконфликтная ситуация вполне способна существовать и без перехода на стадию «собственно конфликта», обращаясь в хроническую ситуацию. Конфликтологами были подмечены особые типы, условно говоря, «повторяющихся конфликтов» (типа игры), в которых стороны действуют всегда в рамках одних и тех же правил (Волков, Волкова, 2005, с. 96).

В работе будет использоваться также иная терминология. Внимания заслуживает понятие «ссора», которого конфликтология избегает. Эта понятийная категория имеет отношение, скорее, к культурологи, чем к конфликтологии. А. Н. Кушкова считает «ссору» одним из видов «конфликтного взаимодействия» (Кушкова, 2003, л. 3). К ссорам приводят причины субъективного характера. Ссора является предпосылкой конфликта. В конфликт она перерастает далеко не всегда, хотя конфликтное взаимодействие при ссорах непременно проявляется. Ссоры в традиционном крестьянском обществе имели место в повседневности деревни, в жизни сельской общины и крестьянской семьи. Ссоры очень часто кончались примирением. Согласно А. Н. Кушковой, ссоры делятся на две большие группы: с «саморегулирующимся» примирением и с «примирением извне» (То же, с. 23). Часть деревенских ссор, в первую очередь соседских, по ее исследованиям, на самом деле представляла собой лишь псевдоконфликт или даже сознательную его имитацию. Так что примирение в подобных ситуациях выглядит не как «окончательный этап разрешения противоречия, послужившего причиной ссоры», а как промежуточный этап ссоры, «перемирие». Исследовательницей также предлагается не строго научный, но предельно понятный термин «примирение на вине». Данный способ примирения все еще остается широко бытующим в сельских поселениях России.

Глава 1. Семья в Водлозерье

1. Брачность, типы семей, терминология родства, численность и детность семьи

Общеизвестно, что традиционные русские семьи создавались на основе моногамного брака, носившего патрилокальный характер, так что в подавляющем количестве случаев молодая жена переходила жить в дом мужа. Иногда муж переходил в дом жены, становился «примаком». Состояние в браке в традиционной крестьянской деревне было нормой для любого человека. Только женатые люди могли быть правомочными на сельских сходах, имели возможность получить в надел землю, завести самостоятельное хозяйство (Русские, 1997, с. 419). Вне семьи отдельно взятый крестьянин экономически не мог нормально существовать. Брак был для крестьян не только залогом самостоятельности и веса в общине, но еще и моральным долгом (То же). Отношение крестьян к браку было однозначным: здоровый человек, не желавший почему-либо заводить семью, даже «настоящим крестьянином не считался» (Русские, 1989, с. 9). Такое состояние в крестьянском обществе считалось «противоестественным и нелепым» (Бузин, 2007, с. 274). В конце концов, вступать в брак при господстве в обществе моногамных отношений людей заставляло элементарное половое влечение, о чем недвусмысленно говорит северно-русская поговорка: «Уженной рыбкой да прошенной пипкой³ сыт не будешь». Православная церковь в XIX в. допускала брачные связи кровных родственников по прямой линии не ранее, чем в восьмом поколении, а по боковой линии – не ранее, чем в четвертом поколении. В Водлозерье в XIX в. большинство браков заключалось в январе – феврале и в октябре – ноябре (Ружинская, Хорина, 2009, с.182–183; НАКНЦ, ф. 1, оп. 6, д. 730, л. 43, 70–71). Максимальное число вновь заключенных браков отмечалось в 1865 г., минимальная брачность – в 1816, 1840 и в 1916 гг. (То же). Наверное, к окончанию Гражданской войны брачность была еще ниже, но специальное исследование на этот счет пока не проводилось.

У русских крестьян в XIX – начале XX в. бытовали: простые (или «малые») семьи, объединяющие два поколения родственников; сложные (в том числе «большие» или «неразделенные»), объединяющие два-три и более поколения родственников по прямой и боковой линиям и свойственников; складнические, объединяющие не только родственников, но и неродных людей, что вызывалось хозяйственными соображениями (Русские, 1997, с. 416). Преобладали простые семьи, которые обычно состояли из мужа, жены и их детей (иногда и приемных), не вступивших в брак. Двухпоколенные семьи в социологии принято именовать «малыми» или «нуклеарными», от английского «nuclear» – «ядро». «Сложные» семьи были как минимум трехпоколенными. Они возникали, когда в двухпоколенной семье рождались внуки. Сложные семьи иногда включали пять поколений родственников от прадедов до правнуков. В числе сложных семей встречались семьи, называемые «патриархальными». Конечно же, были и бездетные семьи, состоящие из одного поколения супругов. Имелись в Водлозерье семьи, которые из христианского сострадания принимали к себе на иждивение калек, дряхлых одиноких стариков и прочих лиц из категории «неродственников». Проживая в чужом доме, в составе семьи они не числились (Русские, 2000а, с. 9).

В обобщающих трудах, посвященных семье, как правило, принято описывать системы родства и связанную с ним терминологию. В понятие «родня» в узком смысле слова водлозеры включали прямых кровных родственников (отца, мать, сыновей, дочерей, братьев, сестер)

---

³ О новобрачном на Водлозере говорили «имярек *отиздился*».

малой семьи. В сложных семьях понятие «родня» могло включать также родственников боковой линии (двоюродных и троюродных), проживающих под общей крышей и ведущих совместное хозяйство, а также и свойственников. В широком смысле слова понятие «родня» включало весь семейный клан. В собственно терминологии родства и свойства водлозеров почти нет ничего оригинального. Можно отметить лишь термин «свись», который иногда применялся в отношении сестры жены, т. е. свояченицы (НАКНЦ, ф. 1, оп. 6, д. 628, л. 22). Прадеда в Водлозерье именовали «правдедом», правнуков – «правниками», жену дяди – «дяиной», дядю – «дией», двоюродных братьев – «братанами», крестную мать – «крестнухой». Подобная терминология родства и свойства в прошлом была присуща системам родства и свойства русских практически всего Русского Севера.

Семья водлозёров (д. Калакунда, 1930-е гг.). Из семейного альбома Демидовых

Неразделенные крестьянские семьи в отечественной этнографии принято подразделять на «отцовские» и «братские» (Этнография, 1987, с. 363; Русские, 1997, с. 423). В классической отцовской семье место главы передавалось от отца к старшему сыну. В братской семье – от брата к брату по старшинству рождения. В Пудожском крае, по свидетельству Н. Н. Харузина, уже в 1870-х гг. большие патриархальные семьи встречались «редкими оазисами» (Харузин, 1894, с. 302). Территория Водлозерья с ее замедленными темпами развития капиталистиче-

ских отношений, удаленная от основных транспортных путей, в те годы оставалась одним из таких оазисов. По свидетельствам наших информантов, в Водлозерье даже к началу 1930-х гг. встречались большие неразделенные семьи «линейного» типа, состоящие из главы семьи, его жены и взрослых сыновей с детьми и даже внуками. Очень редко патриархальную неразделенную семью (при ней обычно доживал свой век состарившийся отец) в Водлозерье возглавлял старший из братьев. Но такое положение, видимо, было лишь временным и обычно заканчивалось отпочкованием семей младших братьев. Немедленному разделу мешали разные объективные обстоятельства, прежде всего отсутствие необходимых для отдельного проживания жилых и хозяйственных построек. Патриархальные семьи Водлозерья могли быть весьма многочисленными. Тетка одного из наших информантов в 1930 г. вышла замуж в деревню Келкозеро «тридцать третьим куском», т. е. стала тридцать третьим членом семьи (НАКНЦ, ф. 1. оп. 6, д. 404, л. 162). Столько же, «33 души», было тогда и в семье Пахомовых в деревне Пильмасозеро (Там же, д. 628, л. 28). Семья Пименовых в деревне Пелгостров насчитывала «23 души» (ФА ИЯЛИ, № 3295/18). В некоторых случаях, когда наши информанты говорили, что пришли в дом мужа «седьмым куском» или «девятым куском», они имели в виду не общую численность семьи, а только общее число взрослых ее членов (НАКНЦ, ф. 1. оп. 6, д. 628, л. 74; ф. 1, оп. 1, колл. 184/1).

Согласно статистическим данным за 1905 г. (Список, 1907), в Водлозерье насчитывалось 2810 человек (495 семей) крестьянского населения и 64 человека (15 семей) некрестьянского сословия. Некрестьянское население составляли члены семей священников (на погостах Ильинском и Пречистинском), административного аппарата (в деревнях Большой и Малый Куганаволок), политических ссыльных (в деревнях Канзанаволок и Куганаволок). Среднестатистическая численность одной семьи водлозеров на начало XX в. была равна 5,67 человека. По данному показателю Водлозерье уступало Заонежью, где он равнялся 6,7 человека на семью (Логинов, 1993б, с. 14). Последний показатель на 0,1 превосходит даже цифру, рассчитанную для Русского Севера по данным переписных книг на 1678 г. (Русские, 2000б, таб. I, с. 8). Но средняя численность семьи Водлозерья в начале XX в. все равно была выше среднестатистической цифры в целом по Олонецкой губернии, которая равнялась 5,3 человека (Кустарные промыслы, 1907, с. 7) Укажем также, что средний размер семей некрестьянского населения на Водлозере на 1905 г. равнялся 4,3 человека на семью.

Многодетность была одной из характерных черт традиционной крестьянской семьи. Самые ранние этнографические наблюдения по этому поводу принадлежат И. С. Полякову, отметившему, что многодетные семьи в Водлозерье – дело обычное, приведя в пример мужчину из деревни Куганаволок, у которого «от двух браков родилось 34 младенца» (Поляков, 1991, с. 163). В первом браке у этого жителя Куганаволока родились 25 детей, остальные – во втором, но к приезду Полякова на Водлозеро из 34 детей в живых оставались только семеро⁴. При отсутствии профессиональной медицинской помощи (а дело тогда обстояло в Водлозерье именно так) детность в семьях водлозеров регулировалась естественным образом – за счет высокой детской смертности: «Бог дал, Бог и взял». Благодаря исследованиям И. А. Ружинской и Г. В. Хориной автор может представить некоторые их выводы относительно динамики рождаемости в Водлозерье в XIX – начале XX в. Составленный ими график показывает, что с 1860-х гг. рождаемость стала повышаться, а детская смертность, наоборот, снижаться, причем пик рождаемости пришелся на 1865 г. (Ружинская, Хорина, 2009, с. 181, НАКНЦ, ф. 1, оп. 6, д. 730, л. 70). Авторы правы в том, что такая динамика детских рождений и смертей могла привести к некоторому росту среднего числа детей в семье. Тем не менее, по свидетельству

⁴ Об исключительной многодетности отдельных водлозерских женщин даже в середине XX в. делались записи и автором данной работы. Так, у одной женщины, вышедшей замуж в Келкозеро из деревни Паезеро, в браке родился 21 ребенок (НАКНЦ, ф. 1, оп. 6, д. 628, л. 80). Среди детей были две тройни («тройники») и три двойни («двойники»).

И. С. Полякова, в Водлозерье «часто случалось встречаться с женщинами, у которых родилось по 11 или 12 детей, из которых в живых оставалось двое или трое» (Поляков, 1991, с. 163). Наименьшее число рождений первой трети XX в. пришлось на годы Первой мировой войны, наибольшее – на первую половину 1920-х гг. (НАКНЦ, ф. 1, оп. 6, д. 730, л. 44). Тенденция к сохранению многодетности водлозерских семей наблюдалась весьма длительное время. Пожилые информанты даже в конце XX в. «многодетными» были склонны считать семьи с пятью и более детьми, а «оптимальными» – в которых имелось по три-четыре ребенка (НАКНЦ, ф. 1, оп. 6, д. 404, л. 162; АНПВ, № 2/73, л. 14).

Так или иначе, но численность населения в Водлозерье увеличивалась в XIX в. в основном за счет высокой рождаемости. По подсчетам, выполненным Г. В. Хориной на основе анализа местных метрических книг, в возрасте до года в Водлозерье тогда умирали в среднем до 40 % всех родившихся детей (НАКНЦ, ф. 1, оп. 6, д. 730, л. 40). Успехи земской медицины в борьбе с болезнями, в том числе младенческими, стали сказываться лишь к началу XX в. В 1920-х гг. к водлозерам начали приезжать врачи из Пудожа. Они просвещали женщин в вопросах гинекологических болезней, объясняли, как следует предохраняться от нежелательной беременности. Разъяснительная работа тех лет, как и официальные запреты на аборты в 1935–1944 гг., мало повлияла на частоту родов. Бездорожье и постоянная загруженность работой не позволяли женщинам обращаться в больницу в районный центр, чтобы своевременно делать аборты. Фельдшерско-акушерский пункт в Водлозерье был создан только в 1960-х гг. С этого времени женщины рожать стали реже, и младенцы умирали нечасто. Естественное воспроизводство населения тогда вполне покрывало убыль от естественной смерти. После так называемого укрупнения деревень многие молодые люди, достигнув половой зрелости, стали покидать Водлозерье, переселяться в города и в другие регионы Советского Союза. Свои семьи они заводили там, где селились. В Водлозерье оставались их родители, кто вдвоем (муж и жена), кто поодиночке (вдовы). В результате семьи из многопоколенных, какими они были в начале XX в., превращались в однопоколенные, часто неполные. Все это сказалось на общей численности населения Водлозерья, на постарении населения края. Отток за пределы Водлозерья прекратился в конце 1980-х гг. Уезжать, по большому счету, стало некуда из-за общего экономического кризиса; ни в лесной промышленности, ни в городах больше не требовались новые рабочие руки, новое жилье не предоставлялось. Неустроенная молодежь начала возвращаться в родной край. В начале 1990-х гг. наблюдался даже некоторый рост численности местного населения, в том числе и в связи с переездом в Куганаволок семей специалистов вновь образованного там национального парка «Водлозерский». Общее число обучающихся в местной восьмилетней школе учеников тогда возросло с 17 до 97 человек (Логинов, 2006 г, с. 49). Однако в наши дни процесс общего постарения населения в Водлозерье снова набрал стремительные темпы. Статистика удручающая: в 2005 г. в Куганаволоке на одно рождение младенца пришлось 12 смертей (Логинов, 2006 г, с. 48). Тем не менее общая численность населения Водлозерья последние 10 лет колеблется в пределах около 560 человек за счет притока приезжих, которые остаются здесь жить.

2. Иерархические отношения традиционной семьи как основа решения внутрисемейных конфликтов

Комфортность проживания человека в крестьянской семье, его возможности влиять на внутрисемейные дела во многом зависели от индивидуального семейного статуса. Статус, в свою очередь, во многом зависел от пола, возраста, важности исполняемых хозяйственных функций и имущественных прав на общее достояние семьи, а в патриархальных семьях – также и от близости кровного родства к мужчине, стоявшему во главе такой семьи (Русские, 1997, с. 431–461). Если учесть, что в патриархальной крестьянской семье имела место практика «безусловного, безропотного подчинения младших членов семьи старшим, жен – своим мужьям, детей – своим родителям» (Русские, 1989, с. 94), то неудивительно, что лидерские роли в ней выстраивались в виде некой иерархической системы в зависимости от занимаемого семейного статуса.

На вершине иерархической пирамиды патриархальной крестьянской семьи пребывал мужчина, глава семьи («*большак*»), пока был в силах работать в поле, отдавать приказания домашним и следить за их неукоснительным исполнением. Быть главой такой семьи в деревне было почетно. Главенство, правда, накладывало также и серьезную ответственность за хозяйственную состоятельность семьи, за соблюдение внутри нее порядков, в том числе и касающихся непротиворечивого соблюдения статусных ролей отдельными членами семьи. Власть большака ограничивалась волей общего мнения всех взрослых членов семьи, состоящих в браке. Неограниченной властью над семейным имуществом и личной судьбой младших членов семьи, подобно главам патриархальных семей старообрядцев Урала и Сибири (Русские, 1989, с. 93, 94), большак в Водлозерье не обладал. Он не мог по своему усмотрению продавать жилище и скот, отдавать замуж девушек или женить парней, как ему одному было угодно. Невесткам не нужно было просить большака о благословении на то, чтобы наносить в дом воды или принести дров, и т. д. Несмотря на некоторую ограниченность власти, большак мог себе позволить многое. Так, большаку Сухову из Пильмасозера, проигравшему во времена НЭПа за одну ночь в биллиард при «казенке» в деревне Канзанаволоке лошадь и сани, все сошло с рук. Хотя члены семьи выразили ему свое негодование на семейном совете, смещать его не стали (ФА ИЯЛИ, № 3299/24). Но некоторые конфликтные ситуации, касающиеся внутренней жизни семьи, крестьянам приходилось выносить на суд всех родственников из ближайших деревень (семейного клана), на суд жителей деревни или всего крестьянского мира. Решение выносилось в соответствии с неписаными правовыми нормами обычного права. Глава патриархальной семьи по жалобам детей и их жен в случаях мотовства «мог попасть под контроль общины или вообще мог быть отрешен от руководства хозяйством» (Русские, 1997, с. 434).

Власть большак утрачивал, когда входил в возраст «дряхлости» (см. раздел 3 главы 1) и не мог уже выполнять свои прежние функции. В таком случае обязанности по его содержанию ложились на всю семью, а при ее разделе – на старшего сына. Обычай этот в этнографии называют обычаем «майората». В Водлозерье соблюдался именно этот обычай, тогда как у карел Сямозерья, например, господствовал обычай «минората», согласно которому обязанность по содержанию одряхлевших родителей ложилась на их младшего сына (История и культура, 2009, с. 154). Одряхлевший старик воспринимался как «лишний рот» и откровенная обуза для семьи. Так что бывшему главе патриархальной семьи оставалось апеллировать только к общине и общественному мнению, если в родном доме члены семьи отказывались его содержать до самой смерти (Громыко, 1986, с. 105). Лишь мнение всей крестьянской общины, большинства ее высокостатусных членов подавляло амбиции взрослых членов одной отдельно взятой неразделенной семьи, склоняло их к конформизму в вопросах урегулирования внутри-

семейных конфликтов, связанных с содержанием лиц, устранившихся от управления семьей по причине болезни или преклонного возраста.

Вторым по значимости статусом после большака в патриархальной семье обладал его старший сын. Женатые сыновья имели более высокий семейный статус, чем холостые. Зятю-примаку, которого новая семья воспринимала как чужака, в патриархальной семье требовалось значительное время, чтобы завоевать авторитет и равноценный с сыновьями большака статус. Бывали, правда, исключения. В Карелии широко известен достоверно зафиксированный факт: родоначальник самой знаменитой заонежской династии исполнителей былин Т. Г. Трофимов-Рябинин, придя примаком в чужую семью, быстро занял в ней главенствующее положение большака, несмотря на присутствие в ней родных братьев тестя (Криничная, 1995, с. 29, 31 и след.).

Жена большака («*большуха*») была главной среди женщин в патриархальной семье, обладала среди них наиболее высоким статусом, который утрачивался обычно со смертью ее мужа. Жена старшего сына была первой помощницей свекрови, считалась главной среди снох. Рядовые невестки в патриархальной семье имели более низкий семейный статус. Особенно много требований предъявлялось младшей снохе. Если свекровь обижала сноху, то муж не мог даже заступиться за жену, а только утешал ее. Так что семейный статус взрослых незамужних дочерей патриархальной семьи (золовок) изначально превышал статус молодой снохи. Пренебрежительное к себе отношение снохи испытывали в первую очередь от сестер мужа. Это отразилось в фольклоре Водлозерья. Например, в частушке: «Я выбираю, девушка, ни коней, ни коровушек, я выбираю, девушка, семейку без золовух» (НАКНЦ, ф. 1, оп. 1, колл. 184/56). Иными словами, относительно безбедному существованию в неразделенной семье девушка видит ясную и приятную для нее альтернативу жить в малой семье, пусть и бедной, но с одним лишь мужем, без его незамужних сестер, зловредных «золовух». Наличие же в новой семье деверей – женатых или неженатых братьев мужа – в Водлозерье обычно не воспринималось как несчастье для женской судьбы: деверья относились к женам братьев с большим сочувствием и пониманием, чем золовки. И это тоже нашло отражение в местном фольклоре: «Не ходите, девки, замуж, заболит головушка. Лучше деверя четыре, чем одна золовушка» (НАКНЦ, ф. 1, оп. 6, д. 710, л. 23). Самым незавидным был в большой семье статус младшей снохи – ей доставалась самая трудная и грязная работа по домашнему хозяйству, а времени на сон и отдых отводилось меньше, чем тем женщинам, которые пришли в дом по замужеству раньше. Об этом свидетельствует вторая половина старинной водлозерской пословицы: «Горе быть старшей сестрой да младшей снохой» (НАКНЦ, ф. 1, оп. 1, колл. 133/220). Положение снох в патриархальной семье со временем изменялось. Рождение детей повышало их статус в семье, зато рождение внебрачного ребенка, невыход замуж и, как следствие, переход из категории «невест» в категорию «старых дев» ущемляли прежний высокий статус родной дочери в своей семье. Свои коррективы в перераспределение статусных ролей в неразделенной семье вносило негласное соревнование между собой снох. Амбициозные снохи предпринимали немало усилий, чтобы именно их мужа претендовали на роль следующего в семье большака, а сами они – на роль большухи. Иногда место большухи в неразделенной большой семье водлозеров могла занять и младшая сноха, но обязательно боевая и властная особа (АНПВ, № 2/73, л. 14). Это хотя и считалось нарушением обычного права, но не очень осуждалось. Считалось, что в своей семье люди сами между собой разберутся, кому в ней править, считать и делить доходы. Возникающий в подобных случаях бытовой конфликт между снохами можно было бы обозначить как **«внутристатусный конфликт неразделенной крестьянской семьи»**.

Трёхпоколенная семья в Водлозерах. 30-е годы XX века

Статусное положение молодежи в патриархальной семье, как следует из ранее сказанного, в силу близости по степени кровного родства к главе семьи почти всегда было выше, чем у молодой снохи и даже молодого зятя-примака. Юноши в традиционной крестьянской семье уже исполняли работу взрослых мужчин, девушки были способны работать не хуже, чем снохи. Общественный же их статус был ниже, чем у примаков и снох, поскольку в браке они еще не состояли. При этом юноши чувствовали себя более свободными от родительской опеки, поскольку за девушками в патриархальных семьях надзор был не в пример строже (Там же, с. 94–95, 97; Русские, 1997, с. 459–461). Общественный статус молодежи в деревне во многом был связан с индивидуальной репутацией (Громько, 1986, с. 109), зарабатываемой личным отношением к труду и примерным поведением в личной, общесемейной и общественной жизни.

Статусное положение детей, рожденных в законном браке, в патриархальной семье признавалось равным, всегда более низким, чем у взрослых и молодежи. Однако постоянно нянчиться с младшими братьями и сестрами, чтобы освободить родительницу для более ответственной и тяжелой работы, полагалось только старшей из дочерей, пока та не входила в пору девичества. Это обстоятельство отнимало у нее немалую часть тех радостей детства, которыми могли пользоваться прочие дети в семье. Внутри семьи отношение к братьям и сестрам, детям, внукам обычно было по-родственному нежным. Самым распространенным было обращение друг к другу по уменьшительным именам, вроде Клашенька, Симочка и т. д. Прохладнее относились к падчерицам и пасынкам, но обращение к ним по обидным уличным кличкам и именам – Клашка или Симка – со стороны собственных детей решительно пресекалось как в доме, так и на улице (НАКНЦ, ф. 1, оп. 1, колл. 133/220). Очень низким был статус детей, рожденных вне брака. Появление на свет незаконнорожденного в глазах семьи и крестьянского общества было позором не только для девушки, но и для всей семьи. В Водлозерье XIX в. внебрачные дети появлялись на свет с частотою чуть более двух раз в год (НАКНЦ, ф. 1, оп. 6, д. 730, л. 45). Силою общественного убеждения деревенское сообщество склоняло парня вступать в брак с матерью его ребенка. Если парню удавалось уклониться от женитьбы (жениться он не был обязан – Логинов, 1988, с. 65), родители девушки и сама она подвергались насмешкам соседей, а это приводило к напряженным отношениям внутри семьи. Ещё худшими последствиями это обстоятельство оборачивалось для незаконнорожденного ребенка. Когда он подрастал, обидными кличками и насмешками его осыпали не только в своей же семье, но и на деревенской улице. Такому ребенку приходилось терпеть брань, угрозы и даже физическое воздействие. Соседские дети могли закидать его уличной грязью. Данная ситуация в Водлозерье сохранялась как минимум до начала 1950-х гг. Так, одна из наших информанток, родившаяся в 1937 г., часто с горечью вспоминала, что появилась на свет в результате брака матери с приезжим военнослужащим. Брак был зарегистрирован в сельсовете, но не сопровождался сельской свадьбой (НАКНЦ, ф. 1, оп. 6, д. 628, л. 117). Без свадьбы же, даже при наличии регистрации в сельсовете, брак в первые послевоенные годы в Водлозерье считался недействительным. Родители нашей информантки расстались уже после Великой Отечественной войны потому, что тесть и теща не позволяли им спать вдвоем, опасаясь появления новых детей. Мужчина не выдержал и уехал в Ленинград. Мать после этого повторно вступила в брак с вдовцом в своей же деревне. Девочке во вновь образованной семье вплоть до собственного замужества приходилось выносить насмешки младших сестер и братьев, а также отчима, дразнивших ее «яркой» (как бы «рожденной от барана», незаконнорожденной). Брак матери с вдовцом водлозером не регистрировался в сельсовете, но был обставлен тихой свадьбой, а следовательно, признавался легальным и законным в крестьянском обществе.

В традиционной семье незаконнорожденному ребенку, появившемуся на свет от незамужней девушки, частые и незаслуженные укоры без всякого повода приходилось выслушивать даже от родной матери. К ребенку, рожденному вдовой (тоже явно вне брака), крестьянское общество относилось снисходительно, не выделяло его среди прочих, в том числе и рожденных в браке детей женщины (Логинов, 1988, с. 65). Как видим, о статусном равенстве самых младших членов семьи в водлозерской деревне говорить порою тоже не приходилось. Хотя информанты наши не раз отмечали, что приемных детей в крестьянских семьях ничем не выделяли, верится в это с трудом, поскольку за этим следовало утверждение, что родные отец и мать лично их любили больше, чем приемных.

Высокий статус в семье и общине стариков, хранителей деревенской традиции – это аксиома русской этнографии (Русские, 1989, с. 57; Громько, 1986, с. 11). Но одно дело старик или старуха в уме и ясной памяти, другое дело – древние и немощные. Даже в этом возрасте и состоянии они все равно сохраняли статус более высокий, чем самые младшие члены патриархальной семьи. Дети в присутствии взрослых должны были прислушиваться к мнению стари-

ков. Иное поведение привело бы к неизбежным нареканиям со стороны взрослых, являвшихся в традиционном обществе одной из действенных форм подавления конфликтного поведения детей. И все же в отсутствие взрослых членов семьи или общины подшучивать над дряхлыми стариками, игнорировать их призывы к порядку дети иногда себе позволяли. Дети Водлозерья в этом отношении не представляли собой исключения.

Практически нулевым можно считать семейный статус нечленов семьи, принятых в дом из христианского сострадания. Однако индивидуальный общественный статус таких лиц порою бывал необычайно высоким, как, например, у одного из сильнейших ведунов Водлозерья первой трети XX в. И. Е. Суханова, проживавшего в старости в деревне Охтомостров (Логинов, 2006в, с. 102). Не был нулевым общественный статус и «мирских нянь» (Громыко, 1986, с. 111), старушек, которые переходили жить из одного дома в другой, чтобы заниматься уходом и воспитанием деревенских детей.

Статусное неравенство членов патриархальной семьи было очень удобным инструментом в урегулировании внутрисемейных конфликтов. Слово большака было главным, почти всегда окончательным. Это позволяло другим членам семьи апеллировать к нему по многим вопросам в случае конфликтных ситуаций. Волонтаристский подход главы семьи к разрешению внутрисемейных конфликтов обычно приводил к недопущению открытой фазы отстаивания интересов противоборствующих сторон, ибо с главой семьи принято было соглашаться. Согласием сторон с его волей обычно исчерпывался и сам конфликт. Если конфликт полностью не преодолевался, ситуация переводилась в состояние скрытой фазы. Это создавало психологическое напряжение внутри семьи. Однако даже такой исход дела расценивался в деревне в старину как имеющий положительное значение. Открытого неповиновения он не содержал, а значит, и не противоречил стержневым принципам, на котором основывалось внутреннее единство традиционной семьи. Среди женщин конфликтные ситуации разрешались с благоволения жены большака. Младшие возрастные группы апеллировали к старшим по возрасту, решение старших принималось к исполнению. На этой основе зиждилась иерархия соподчинения внутри крестьянской семьи, в целом одобряемая и поддерживаемая общественным мнением крестьянского сообщества. И происходило это именно потому, что в решении многих проблем крестьянской семьи и общины главным фактором «являлся обычай» (Русские, 1989, с. 8). Контроль исполнения обычая осуществлялся людьми пожилого и среднего возраста, причем преимущественно женщинами, которые «больше времени проводят по месту жительства в сфере общения вне семейно-родственного круга, ориентированы на соседскую среду. Именно здесь проявляются элементы традиционного механизма социального контроля, ведущие свое начало от общинных порядков» (Русские, 1989, с. 57). Значение общественного мнения четко осознавалось крестьянами. Любое сколько-нибудь широкое сборище в деревне (от крестин до поминок и от хоровода до помочей) могло послужить ареной для апелляции к общественному мнению (Громыко, 1986, с. 107.).

Конфликтные настроения, направленные на оспаривание потестарных полномочий большака, открыто не проявлялись, пока тот был в силе и добром здравии. Когда большак дряхлел, вопрос о смене власти в семье поднимался на семейном совете. Если братья и сыновья стареющего большака хозяйственной сметкой и властными амбициями были обделены, в соперничество вступали зятя-примаки. Не секрет, что иногда к тому, чтобы занять место большака в большой семье, мужей подталкивали жены. Такого рода конфликты можно обозначить как **«потестарные конфликты»** внутри неразделенной крестьянской семьи. Инициаторами (обычно тайными) раздела большой семьи на малые нередко становились именно невестки. В малых семьях женщинам-крестьянкам жить было комфортнее: жена хоть и находилась в зависимости от мужа, но не испытывала давления со стороны его родственников (Русские, 1989, с. 98). Тяга молодого поколения к образованию собственных семей явно обнаружилась в предреволюционное время даже у старообрядцев Урала и Сибири. В Водлозерье эта тенденция про-

явилась еще раньше. Если до раздела на малые семьи дело не доходило, новым главой патриархальной семьи становился, как правило, старший сын прежнего большака, очень редко – его дееспособный брат (АНПВ, № 2/73, л. 14). Наверное, последнее воспринималось в Водлозерье как временное состояние семьи, предвещающее распад такой семьи на несколько малых. Сделать это сразу зачастую не позволяли некоторые объективные (отсутствие необходимых всем для обустройства жилых построек) и субъективные обстоятельства (нежелание огорчать бывшего большака).

Неразделенные семьи в старину экономически всегда были более крепкими, зажиточными. Однако жить в такой семье счастливо было не просто. Взрослым членам семьи постоянно приходилось мириться со своеволием большака и большухи в принятии экономических решений. Если сыновья большака с детства были приучены подчиняться воле отца, то снох такое положение устраивало гораздо меньше. Они сами хотели распоряжаться заработанными с мужем деньгами, сами желали стоять у чугунка при подаче пищи на стол, а не довольствоваться тем, что им положит в миску большуха. И это было важной субъективной причиной распада патриархальных семей на малые. Неудовольствие снохи высказывали своим мужьям, настраивали их против дальнейшего проживания в неразделенной семье. Когда недовольных мужчин в семье набиралось достаточное количество, они ставили вопрос о сборе семейного совета, который и принимал большинством голосов решение о разделе земли и имущества. Распад неразделенных семей на малые завершился с образованием колхозов.

Однако и в малой семье властью над своей женой, пусть и ограниченной нормами обычного права, в старину обладал ее муж. По обычаям водлозеров, муж имел право принародно поколотить, проклясть жену, выгнать ее на время из дома (ФА ИЯЛИ, № 3299/22). Жена проклинать мужа не имела права ни при каких обстоятельствах. Но и возвратиться в дом своих родителей жена не могла (Русские, 1989, с. 96). Согласно обычному праву водлозеров, ей позволялось лишь временно жить то у одних, то у других своих родственников. Ситуация разрешалась обычно тем, что жена возвращалась к мужу и униженно, при всем народе, просила принять ее обратно в дом. Так что иерархия малой семьи в традиционном крестьянском обществе пусть грубо, но однозначно способствовала урегулированию семейных конфликтов. В наше время ситуация, когда хмельной муж выгоняет из дома жену и детей среди ночи, остается еще достаточно типичной для Водлозерья. Потом мужья каются и просят прощения, но немногие удерживаются от повторения случившегося. Жены терпят такое обращение до последней возможности. Подавать в суд на развод, если муж «бывает золотой, когда трезвый», у водлозеров почти не принято (АНПВ, № 2/73, 14).

3. Возрастные периоды и социально-возрастные категории полного жизненного цикла

Человек, проживший долгую жизнь, проходит последовательно через возрастные периоды младенчества, детства, юности, зрелого возраста и старости. Казалось бы, с этим все предельно ясно. Однако петербургская исследовательница, Т. А. Бернштам установила, что в народной традиции русских выделялось от двух (дети и взрослые) до девяти – на Русском Севере⁵ – возрастных категорий (Бернштам, 1988, с. 24–25). Невольно возникают вопросы о точных границах переходов от одной социальной категории к другой. Например, когда именно новорожденный перестает быть младенцем или же подросток входит в пору юности, и т. д. На общерусском материале эти вопросы, включая терминологию многих локальных традиций, были рассмотрены Т. А. Бернштам на монографическом уровне (Там же, с. 21–123).

Локальная традиция Водлозерья описывается автором в соответствии с представлениями о социально-возрастных группах и возрастных периодах жизни человека, основанных на изучении местной традиции. Традиция эта содержит достаточно четкие представления о том, каким образом фиксировался переход человека из одной социально-возрастной категории в другую, от одного периода жизни к следующему.

В момент рождения человек получал статус «новорожденного». Тут нет иных мнений. Одновременно новорожденный числился в возрастном периоде «младенчества». Но как долго длился этот период в северно-русской традиции? В монографии «Семейные обряды и верования русских Заонежья» автор уже писал: «младенцем» у русских ребенка следует считать от момента рождения до нормативно-обязательного прекращения вскармливания молоком матери (Логинов, 1993б, с. 66). Очень важно, что нормативно-обязательное отлучение ребенка от материнской груди у русских (и других народов, исповедующих ортодоксальное русское православие) не было связано с прекращением физической способности матери к лактации, с реальной продолжительностью биологического кормления материнским молоком. Молоко по разным причинам могло пропадать в груди матери очень рано, его могло и не быть вовсе. В случаях, когда ребенка не получалось отучить от материнской груди в «нормативно» положенный срок, он физически продолжал питаться молоком матери еще долгое время. Однако устав Русской православной церкви жестко предписывал прекращать каждодневное вскармливание ребенка молоком (материнским или коровьим, не имело значения) по истечении первых шести длительных постов, а это выпадало при любых обстоятельствах на полуторагодовалый возраст. Прекращение вскармливания грудным молоком (если молоко у матери еще сохранялось) сопровождалось исполнением сакраментального действия – обряда отлучения от груди. После этого (или по истечении первых шести длительных постов в жизни ребенка) дитя переходило в иную возрастную категорию. У других народов (например, евреев или татар), у которых вскармливание материнским молоком продолжалось не в пример дольше, чем у русских, длительность пребывания ребенка в состоянии младенчества, а также сакраментальная «грань», означающая переход младенца в следующую возрастную категорию, определялись по другим сакраментальным событиям его жизни.

В статье «Этнография детства на Водлозере» (Логинов, 2007б) автор с помощью фактов из жизни водлозеров доказывал, что от рождения до момента наречения именем при крещении в церкви новорожденного относили к социально-возрастной категории «младеней», т. е. мла-

---

⁵ Более сложной, чем у северных русских, была терминология, связанная с социально-возрастными градациями замужних женщин у вепсов (Винокурова, 2010, с. 107) и карелов (Сурхаско, 1977, с. 177). Не исключено, что формированию детальной градации возрастных состояний человека на территории Русского Севера способствовало присутствие прибалтийско-финского субстрата в составе местного русского населения.

денцев без имени. При этом не имело значения, делалось ли наречение именем повитухой (из опасений, что ребенок умрет при родах некрещеным) или нет. После очистительных обрядов, а главное – крещения, которое можно расценивать в качестве обряда приобщения неопита к церкви и общине (Логинов, 1993, с. 218–219), бывший «младень» входил в социально-возрастную категорию «*младенца*» (с именем). После крещения, как считалось, ребенок утрачивал сакраментальную нечистоту, присущую ему с рождения. Пока продолжалось кормление грудью, ребенок имел статус «*младенца невинного*», в отношении которого были недопустимы не только физические наказания, но и грозный окрик. Считалось, что испуг младенца может привести к смертельной для него болезни – родимцу.

В категории «детей» ребенок пребывал с полутора до 12 лет. Собирательным названием для ребятни любого возраста, кроме младенческого, на Водлозере было слово вепсского происхождения – «пайгажи» (ср. вепсское *paigased* – «дети»). При этом детей до семи лет на Водлозере называли уменьшительно-ласкательным словом «*пайгажата*», или «*пайгажатки*». Среди «пайгажат» водлозеры выделяли две возрастных подгруппы, называя «*дитем невинным*» ребенка в возрасте с полутора до пяти лет, а «*дитем неразумным*» ребенка с пяти до семи лет. Между статусом «дитяти невинного» и «дитяти неразумного» имелаась довольно существенная разница. Невинное дитя вообще никак не наказывали, предостерегали от действий, опасных для него и для окружающих, укорами или окриками, в экстренных случаях – оттаскивали за шиворот. С пяти лет угроза наказания, например отстегать по ногам крапивой, вполне могла быть приведена в исполнение, но больше в устрашение, чем собственно в наказание. В возрасте семи лет, по водлозерским представлениям, происходило «развязывание» детского ума. Период жизни ребенка до семи лет соответствует младшему детскому возрасту. На Водлозере он маркировался постоянным ношением на шее ладанки для защиты от нечистых духов. С семи лет ребенок переходил в категорию старшего детского возраста, с которого начиналось систематическое приобщение к труду. Ребенок уже считался вполне разумным, чтобы отвечать за свои поступки, в том числе получать наказание в виде физического воздействия. В старшем детском возрасте ребенок пребывал до 12 лет.

После 12 лет мальчиков и девочек звали «*недоростками*», т. е. подростками. Одежда мальчиков начинала отличаться от одежды девочек за счет ношения портов. Особенность данной социально-возрастной категории заключалась в том, что длительность подросткового периода для девочек и мальчиков была различной. «Недоросток» в традиционной водлозерской семье превращался в полноценного юношу («*парня*») примерно к 15–16 годам, после того как впервые самостоятельно вспахивал поле. Родители покупали ему верхние штаны, без которых вход на молодежную беседу был закрыт. Для девочек переход в социально-возрастную категорию «*девушек*» заканчивался с наступлением первых месячных. Продемонстрировав их следы на своей одежде, девушка получала доступ на посещение молодежной беседы. Происходило это обычно в старину также не ранее 15–16 лет.

Парень и девушка в социально-возрастной категории *молодежи*, если не засиживались в холостом состоянии до состояния «*перестарков*», оставались до вступления в брак. Брачный возраст, за которым надзирали представители церкви, наступал в 18 лет. До проведения в 1871 г. военной реформы Александром II девушку начинали называть «перестарком», если она не выходила замуж по достижению 20 лет, а парня – если не женился до 24 лет. После вступления в силу закона о всеобщей воинской повинности 1871 г. предельный возраст для вступления в полноценный брак повысился у девушек и парней примерно на два года. По достижению 27 лет незамужняя девушка переходила в социально-возрастную категорию «*старых дев*», а парень с 30 лет – в категорию «*старых холостяков*». Если брак заключался в отведенные традицией сроки, то парень на период заключения брака становился «*женихом*», а девушка – «*невестой*». «*Князем молодым*» и «*княгиней молодой*» жениха и невесту величали только в день бракосочетания в церкви и исполнения свадебных обрядов. После празднования свадьбы

оба попадали в социально-возрастную категорию «*молодых*», в которой пребывали, согласно сельской традиции, до рождения их первого ребенка либо до истечения полутора лет со дня свадьбы.

Женщина после рождения ребенка и до окончания репродуктивного возраста переходила в социально-возрастную категорию «*баб*», а ее муж – в категорию «*мужиков*», и оба становились полноценными членами возрастной категории лиц зрелого возраста. «*Дедом*» и «*бабкай*» их начинали звать в собственной семье внуки порою задолго до того, как статус «деда» и «бабки» они приобретали в глазах сельской общины. Реально в категорию «стариков» они переходили только с завершением репродуктивного возраста, годам к 60. Вдова или вдовец, старая дева или старый холостяк, достигшие того же возраста и вошедшие в период старости, тоже включались в категорию стариков/старух. В категорию «*дряхлах стариков*» старые люди переходили, когда утрачивали способность самостоятельно обслуживать свое существование. Новопреставленный вплоть до 40-го дня именовался «*усопшим*» и лишь после этого – «*покойным*» или «*покойником*».

Глава 2. Рождение, младенчество и конфликты периода младенчества

Обряды и обычаи, связанные с рождением ребенка, принято обычно описывать как единый комплекс обрядов и обычаев «родильного цикла» в составе семейной обрядности. В данной работе этот материал разделен на две части. Приготовления к родам и другие действия, касающиеся обрядового поведения роженицы, описаны в главе 7 (раздел 7.3.3). В данной же главе речь идет только о тех обрядах и обычаях, которые касались самого ребенка. Обряды и обычаи традиционного жизненного цикла, казалось бы, логично описывать с момента исполнения магических ритуалов, направленных на физическое зачатие ребенка (например, на рождение младенца нужного пола). Однако в традиционной культуре водлозеров существовал целый комплекс магических запретов, соблюдаемых порою за 10–15 и более лет до момента физического зачатия. Их исполнение, как представлялось крестьянам, обеспечивало потенциальную возможность рождения в будущем физически и социально полноценного потомства.

1. Обрядово-магические предпосылки рождения полноценного ребенка

Каждая крестьянская семья была заинтересована в том, чтобы дети в ней рождались здоровыми, умственно и социально полноценными, вырастали без порочных склонностей, не отягощали своими поступками в будущем жизнь родителей. Полноценным в традиционной деревне считался ребенок, родившийся не только без физических изъянов и уродств, но и непременно в законном браке, чужающийся воровских и иных порочных наклонностей, слушающийся старших в семье и на улице. Рациональная сторона этого вопроса решалась уже после рождения ребенка за счет воспитательного воздействия родителей, старших членов семьи, общественного мнения крестьянского сообщества. На мифо-ритуальном уровне желаемого результата пытались достичь исполнением некоторых суеверно-магических предписаний, причем загодя.

Воровство в Водлозерье было исключительно редким явлением, и склонность к нему расценивалась как тяжелый порок. Поэтому там существовал специальный, строго соблюдаемый бытовой запрет, направленный на то, чтобы еще не зачатые дети не стали ворами. Заключался он в том, что семье нельзя было садиться ужинать в темноте, не зажигая света (НАКНЦ, ф. 1, оп. 6, д. 404, л. 139). Семантика запрета прозрачна: таскать в темноте что-то себе в рот в магии уподобления означало привыкать вообще что-то «таскать», пользуясь ночной темнотой, как это принято у воров. Поскольку запрет имел отношение к вполне сакраментальному моменту крестьянского бытия (семья собиралась за накрытым столом, который в данной ситуации воспринимался традиционным сознанием как «престол Божий»), порочную наклонность можно интерпретировать как наказание, исходящее свыше, а не от духов низшей мифологии. Еще более строго в этом отношении в семье соблюдался запрет для детей «кусочничать», т. е. таскать со стола и прятать под одеждой куски хлеба, которые потом тайком доедались. Считалось, что подобным образом поступающие дети родят впоследствии детей, которые обязательно станут ворами (НАКНЦ, ф. 1, оп. 6, д. 489, л. 49, 57–58). Детей, которые не могли устоять перед соблазном и неоднократно нарушали запрет, родители ругали, ставили в угол, иногда физически наказывали. С точки зрения взрослого человека наказание делалось в назидание. С точки зрения ребенка имел место некий «конфликт», в котором он как существо более слабое неизбежно оказывался страдающей стороной. Конфликтные ситуации с подобным исходом автор в одной из своих статей предложил обозначать как **«межпоколенные назидательные конфликты»** (Логинов, 2010). Во избежание ситуации, описанной выше, в народе был придуман простой выход. Родительница или бабушка перед сном являлась к детям с зажженной лучиной или керосиновым фонарем и сама предлагала детям съесть по куску хлеба, «чтобы ночью цыган не приснился». Образ «цыгана», видимо, возник не случайно. Скорее всего, в русской этнической традиции он устойчиво ассоциировался с образом «вора».

К рождению слабоумного потомства, по представлениям водлозеров, могли приводить нарушения более значительного количества бытовых запретов и предписаний. Одним из них был запрет на половое сожителство супругов в престольные, двенадцатые, Великие Праздники и в Пасху. Считалось, что злостных нарушителей наказывает сам Господь Бог, посылая им слабоумных потомков (НАКНЦ, ф. 1, оп. 6, д. 628, л. 7–8). Церковь рекомендовала и рекомендует воздерживаться от половых контактов также и в воскресные дни, ибо любое воскресенье приравнивается к праздничному дню. Хотя водлозеры в старину запрет работать по воскресеньям строго соблюдали, воздерживаться от половой жизни по воскресеньям не считали нужным. Мало того, даже в отношении запретов на половую жизнь в дни христианских праздников находили «лазейку», утверждая, что абсолютно запретным для половых контактов является только время до обеда, когда в церквях проводится служба (НАКНЦ, ф. 1, оп. 6, д. 627, л. 26).

От половых контактов в бане было принято воздерживаться категорическим образом. Считалось, что дети в бане зачинаются не от мужчины, а от нечистых духов бани, поэтому рождаются физическими уродами (НАКНЦ, ф. 1, оп. 6, д. 628, л. 7). К врожденному слабоумию будущего ребенка, делавшему невозможным вступление в брак и воспроизводство полноценного потомства, по представлениям водлозеров, могло привести неправильное поведение матери или отца в лесу – постоянное нарушение запрета проходить сквозь «земляные ворота». На Водлозере так называли молодые деревья, вершины которых зимой под тяжестью снега наклонялись до земли и в этом положении продолжали потом расти до осени. Получалась как бы арка, именовавшаяся «земляными воротами». Считалось, что каждый раз, когда человек проходит под такими «воротами», перед ним незримо появляется леший. Поскольку человек не видит лесного духа, в диалог с ним не вступает, лешему надоедает являться каждый раз без толку. За такое поведение лешие якобы наказывают человека, а еще чаще его потомка, безумием (Логинов, 2006 г, с. 106). По поверью, слабоумие будущим ребенком также приобреталось, если беременная женщина исполняла просьбу своих соседок первой помыться в только что отстроенной бане. Считалось, что после этого в бане заведется более добрый, чем обычно, по отношению к людям «банный хозяин» (Там же, с. 247–248). Вот только появление его там, по мнению некоторых водлозеров, будет связано с тем, что банные духи подменяют ребенка в чреве матери на своего потомка, внешне на человека похожего, но умственными способностями обделенного. Вполне рациональным было представление водлозеров, что к слабоумию детей может привести брак между близкими родственниками. Говорят, что дети в таких случаях зачинаются «не по крови» (НАКНЦ, ф. 1, оп. 6, д. 490, л. 60). За тем, чтобы в брак не вступали родственники до восьмого поколения родства, а по боковой линии – до четвертого колена, в старину следили священники. Во время Великой Отечественной войны имел место случай женитьбы водлозера на его двоюродной сестре. Некоторые (не все) дети в этом браке действительно оказались умственно неполноценными.

Рассмотрим комплекс запретов и предписаний, которые взрослые заставляли соблюдать детей. Касались они, в частности, ритуального регулирования детности будущей семьи. Многодетность, особенно в малой семье, часто становилась тяжким бременем. Впрочем, бездетность тоже не приветствовалась. Опасаясь спровоцировать излишнюю многодетность, водлозеры всегда останавливали ребёнка, если тот пытался в избе обежать вокруг стола, особенно если за столом сидели люди и на столе были хлеб или другая еда. Все это ассоциировалось с «полным застольем», с большим числом едоков за столом. Детям так и говорили: «Не обходи вокруг стола, а то полное застолье детей в твоём доме будет» (НАКНЦ, ф. 1, оп. 6, д. 404, л. 162; НАКНЦ, ф. 1, оп. 6, д. 628, л. 20). В наше время старухи тоже не обходят стол вокруг, чтобы им не подкинули на воспитание «полное застолье» малолетних детей. Имелся еще запрет, нарушение которого, по поверьям, приводило к многодетности. Девочкам говорили: «Не качай зыбку пустой, а то когда-нибудь сразу пятерых деток принесешь», а молодых мам предупреждали: «Не качай пустой зыбки, а то еще одно дитя накачаешь» (НАКНЦ, ф. 1, оп. 6, д. 404, л. 162, 179). Запрет был направлен на предотвращение рождений женщиной двоен, троен и большого числа детей одновременно. В наше время не качают пустыми не только детские качалки, но и детские коляски.

Спровоцировать бездетность тоже опасались. Об этом свидетельствует приговор, произносимый девушками в старину каждый раз при расчесывании волос: «Расти коса до пояса, расти коса до пят, принеси мне, косынька, детушек-ребят» (НАКНЦ, ф. 1., оп. 6, д. 628, л. 94). Во избежание бездетности детям и подросткам обоего пола запрещали забирать из гнезд яйца куропаток, уток и других диких птиц, откладывающих в гнездо помногу яиц. Считалось, что за разорение гнезд таких птиц наказывает сама Богородица (НАКНЦ, ф. 1., оп. 6, д. 628, л. 15), которая в народных представлениях выступала покровительницей чадородия. Если случалось, что дети приносили яйца этих птиц в деревню, взрослые им говорили: «Отнеси обратно

в гнездо, иначе и твоих деток потом унесут» (Там же, л. 15–16). Но яйца, например, чаек были вне запрета. В старину даже существовал своеобразный детский и подростковый промысел по сбору чаячьих яиц во время массовой кладки (Там же, д. 489, л. 43).

В отношении лягушек и жаб, плодовитость которых была общеизвестна, тоже соблюдался запрет. Мамы детям говорили: «Не бросайте камни и коряги в лягушек и жаб, когда они свадьбы справляют, а то сами когда-нибудь уродов родите» (НАКНЦ, ф. 1, оп. 6, д. 628, л. 30). Этот запрет может служить одним из подтверждений выводов Д. А. Баранова и Е. Л. Мадлевской о связи деторождения с представлениями о магической символике лягушки/жабы (Баранов, Мадлевская, 1999; Баранов, 2000, с. 45–49). В целом можно утверждать, что отношение к жабам и лягушкам у водлозеров было положительным. В подтверждение этой мысли приведем одно водлозерское суеверие: «Если хочешь быть богатым, поцелуй на Пасху жабу в бане» (НАКНЦ, ф. 1, оп. 6, д. 628, л. 30).

Известно, что лягушка в глубокой древности входила в число мифологических животных солнечного пантеона. Поморы Терского берега считали, что солнце состоит из кусочков лягушки (Новичкова, 1996, с. 139). В экспозиции краеведческого музея города Вытегры имеется вышитое полотенце с весьма показательной сюжетной вышивкой. В верхней части закрайка вышиты желтыми нитками два соляных круга, в средней части – летящая головой вниз зеленая «лягушка», расшитая характерными для мифологических существ пятнами и крестами, в нижней – зеленое поле с тремя голубыми озерами. Сюжет этот – явное переживание некоего мифа или предания о прыжке с небес на землю космологической лягушки. Здесь же можно вспомнить народные предания о том, что нынешние лягушки на земле – это «бывалошные люди», погибшие после Всемирного потопа, после нового Потопа лягушки снова станут людьми, а люди – лягушками (Велецкая, 1978, с. 16; Куликовский, 1891, с. 226). С. В. Максимов тоже зафиксировал в свое время на Русском Севере поверье, что лягушки произошли от женщин, не почитавших Пятницу, за что и были обращены в это земноводное существо (Максимов, 1994, с. 424). В таком контексте вполне понятен запрет детям убивать лягушек: «Не убивай лягушек, а то мать умрет».

Древний обычай запрещал мужу избивать и проклинать жену, когда она была беременной. Считалось, что эти действия обязательно отразятся на не родившемся еще ребенке. Рассказывая это, водлозеры ссылаются на реальный прецедент, имевший место в деревне Пильмасозеро (НАКНЦ, ф. 1., оп. 6, д. 628, л. 16). Некий мужчина, будучи человеком неуравновешенным, часто избивал свою жену в пору ее беременности. При этом он проклинал и ее, и еще не родившегося ребенка. В результате нескольких детей жена родила мертвыми, а единственный, родившийся живым, был исключительно похож на существо, которое в Водлозерье именуют «обменёньшем» (см. 3-ю часть раздела 6 главы 2). Ребенок проплакал месяц и умер. Одиозное поведение в семье, на которое не могли повлиять ни родственники, ни соседи, сделало этого мужчину своеобразным отщепенцем в деревне. Его не звали на праздники в соседние деревни, да и родня в деревне его не привечала. А ведь через участие в общинных и семейных торжествах постоянно подтверждалась и экспонировалась принадлежность личности к семье и сельской общине. Воздействие общественного мнения оказалось в данном случае бессильным, но такого человека крестьянское общество практически отторгло.

Традиционный запрет проклинать беременную женщину распространялся не только на мужей, но на всех без исключения селян. В отношении беременных запрещалось кому-либо осуществлять ритуалы порчи. По поверьям, вред в таких случаях причинялся не столько женщине, сколько ее плоду, а это считалось «*грехом неотмоленным*», более тяжким, чем убийство родителей (Там же, л. 16–17). Водлозеры верили, что плод в чреве матери пребывает под охраной Богородицы, самой главной предстательницы и заступницы за грехи людей перед сыном ее Иисусом Христом. От конфликтов с беременной женщиной в крестьянской деревне воздерживались даже колдуны. Присутствие в семье или общественном месте беременной женщины,

за которой незримо маячила судьба еще не родившегося младенца, в традиционном обществе нередко предотвращала вспыхивание межличностной неприязни и громких скандалов.

Как видим, предписаний, которые по представлениям водлозеров могли предопределять рождение физически здоровых и социально полноценных детей, имелось множество.

2. Обрядовые действия над новорожденным на месте родов

Появление ребенка на свет было реальным переходом от пребывания в жидкостной среде утробы матери к новой форме существования. На мифо-ритуальном уровне рождение ребенка означало «переход», который, по мысли самого создателя «теории переходов», осуществлялся «из мира, предшествовавшего человеческому обществу» в мир людей (Геннеп, 2000, с. 53). Отечественные этнографы, рассуждая на тему народных представлений, связанных с местом пребывания детей до рождения, предпочитают говорить о появлении из Иномира (Байбурин, 1992, с. 41–42; Мазалова, 1984, с. 37–38 и след.). Новорожденного ребенка от рождения и до крещения на Водлозере называли «*младень*», поскольку имени собственного он еще не имел (Логинов, 2007б, с. 15). По данным петрозаводской исследовательницы И. И. Набоковой, в этот период жизни ребенка также именовали словом «*родущий*» (Набокова, 2009, с. 118). Ребенка, родившегося недоношенным, и сейчас еще часто называют «*непородным*» (вариант – «*непорозным*»).

Женщина-крестьянка, рожавшая неоднократно, вполне могла родить самостоятельно. Молодым роженицам обычно помогали более опытные женщины (см. раздел 3 главы 7). Если ребенок рождался «*в рубашке*», рубашку быстро разрезали ножницами или разрывали. Если рождался с пуповиной, затянутой на шее, ее быстро распутывали, чтобы младенец не задохнулся. Ребенку освобождали от слизи дыхательные проходы, сильно вдвухали воздух в ноздри, затем в легкие. Если дитя после этого не начинало дышать, его хлопали по задку ладошкой. Считалось, если заплачет, то выживет (НАКНЦ, ф. 1, оп. 6, д. 404, л. 166; АНПВ, № 1/85, л. 5). Громко подающий голос ребенок, ростом более 30 см, с упитанным телом считался вполне жизнеспособным. Однако и таковых повитухи проверяли – не является ли дитя «обмененышем». Для этого вкладывали в рот новорожденного большой палец и щупали небо. Наличие хорошо сформированного углубления означало, что дитя, скорее всего, выживет (НАКНЦ, ф. 1, оп. 6, д. 723, л. 46). Плоское небо считалось признаком принадлежности новорожденного к существам из Иномира. С таким ребенком повитухи занимались неохотно, хотя в народе верили, что надежда «разменять» с помощью специальных обрядов обмененыша на человека, – как говорили на Водлозере, «*присвоить*»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.